

РОЖДЕСТВО

В детстве я, к окну прилепленный,
Чуда ждавший в тишине,
С колокольчиком серебряным
Видел Ангела в окне.

Дух святой – живой, вещественный –
В лоб меня поцеловал,
И навеки Свет Рождественский
Душу мне околдовал.

Ах, какие были радости
На деревне у меня:
Скоморохи, песни, сладости,
Запряженная свинья,

На которой мы с потехами,
В новогодней кутерьме
В сельский клуб из дома ехали
По сверкающей зиме.

Начинался вечер святками,
Выметался весь чулан,
Чтобы в ночь идти с колядками
В страшных масках, чучелах.

Мир, наполненный преданьями,
Визгом, смехом, колядой
И девичьими гаданьями
Под Рождественской звездой.

Мир любви, почти утраченный,
Снова в ночь меня позвал,
Снова Ангел в час назначенный
В лоб меня поцеловал.

Коляда смеётся, дразнится,
Собирает торжество...
Нет на свете ярче праздника,
Чем святое Рождество!

ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

С ночного двора не уходится прочь,
Я мал, но по-детски отважен.
Мне видится космос, и кажется ночь
Огромным, как мир, саквояжем.

А в том саквояже, на трепетном дне,
Меж лиственниц, в бархате лета,
Стою я один – в тишине, в глубине,
И вместе со мною – полсвета!

Я трогаю космос отсюда – со дна,
Стою у него на пороге...
Мне ночи моей полусфера видна,
И звёзды, и двор неширокий.

Спускаются звёзды на нитках лучей
До кухни, до луковой грядки,
Звенят у соседей, как связки ключей,
Что в сенях лежат в беспорядке.

Одна мне ресницы огнём обожгла,
Другая была ледяная...
Но только не верит никто из села,
Что двор мой – для звёзд проходная.

Я сам разуверился: «Сказки! Старо!»
Сложил перед школой тетрадки...
А вечером лук потянул за перо –
И вынул комету из грядки!

СТОРОЖ

В нём живут пустые коридоры,
Тьма ночная, чуткая, как рысь.
В нём живут смоленские просторы,
Те, что с детства Родиной звались.

Сторож долго и неслышно ходит
В беспросветной, серой полумгле.
То в сторожке боль свою находит,
То в разбитом немцами селе...

А село он строил честь по чести
В довоенном памятном году.
В городе отыскивал невесте
Дорогую длинную фату...

Но война запылила мглисто –
Догорели избы в темноте,
И невесту плотника фашисты
На её повесили фате.

...Покупаю два сырка на сдачу
К чёрному, убойному вину
И сижу со сторожем, и плачу,
Проклиная давнюю войну.

Как в землянке полыхает плошка,
Валит снег над городом густой,
И обвита бедная сторожка
Скрученной белою фатой.

* * *

Этот мир разделился во мне:
Сердце надвое – делит излука.
Я стою на одной стороне,
На другой – и любовь, и разлука.

На одной стороне бытия
Лишь удачливым всё удаётся,
На другой – неудача моя
Надо мною беспутно смеётся.

На одной стороне – вороньё,
На другой – лебединая стая.

По одну – вырастает копьё,
По другую – сирень вырастает.

Мне ладонь обжигает огонь,
Словно штык воронёною гранью.
Для любви поднимаю ладонь
Опускаю – карающей дланью...

Белокрылый взвивается конь
Над широкой бушующей Летой,
И летает незримый огонь
Между той стороною и этой.

* * *

Иду по осенним последним цветам,
По лапкам сухим иван-чая,
По жухлой траве, по истекшим годам,
Потери свои различая.

За мной не одна продвигается тень.
Теней, как деревьев – не меньше...
И тени за мною следят целый день
Глазами покинутых женщин.

Они молчаливы. Я тоже молчу,
Ступаю, прощенья не чая.
Послушно тяжёлые тени влачу
По лапкам сухим иван-чая.

От них не избавиться, их не предать.
Я отдан им всем безраздельно.
Мне с ними, наверное, век коротать
И помнить о каждой отдельно...

* * *

Запахи мёда и хлеба...
В доме полны закрома.
В сумерках движется небо –
Катится с горки зима.

Иней подёрнул немедля,
Словно щетиной, заплот.
И переполнился медью
Ярко-оранжевый плод.

К ночи на ветки нанижет
Иней свою бахрому...
Солнце спустилось пониже,
Будто застряло в Крыму.

Выпалил кто-то из пушки:
Лопнул небесный стакан.
Ночью стучит колотушкой
По льду мороз-великан.

Сумерки встали на лапы,
Шерстью дымят ледяной,
Словно медведь косолапый
В небо упёрся спиной.

Тучные сумерки скатят
Красного неба дымы
Прямо на белую скатерть
Русской царицы-зимы.

* * *

Что меня так бессердечно гложет
Ранним утром и на сломе дня?
Мы с тобой, любимая, похожи,
Ты ведь вырастала из меня...

Вырастала, телом расцветала,
Я тебя под звёзды уносил.
Ты на ложе страсти трепетала,
В нашу осень падала без сил.

Ты была, как будто бы без кожи,
Так любила, так ждала меня...
Что меня так беспрестанно гложет,
Словно пламя чёрного огня?

* * *

Я знаю, я чувствую, вижу:
Эпоха сжимается вновь.
Я время набухшее выжал –
И брызнула алая кровь.
Я где-то во времени долгом
Свой путь, свою долю искал...
Я пел, как Некрасов на Волге,
Как Чехов – смотрелся в Байкал.

Но время меня торопило,
Пыталось железом меня,
На знойном ветру прокалило,
Вдохнув в меня силу огня.

Во мне первородно, глубоко
Любовь трепетала моя...

И страждущим, веющим оком
Искал я таких же, как я.

...Светило лицо молодое,
Горя вдохновенным огнём...
И солнце вставало гнедое,
И я становился конём

Тем самым отчаянным, красным,
Которого мальчик купал...
Ты реяла девой опасной
Среди купидонов и скал.

Взрывались в Нью-Йорке высотки,
В ночи колебалась земля...
Коня рисовал Петров-Водкин
И тот уносился в поля.

Е. М.

Мне рядом быть с тобой необходимо!
В каких мирах опять блуждаю я?
Да где ты есть и кем же ты хранима,
Сосредоточенность моя?

Я верю, что она – тобой хранима,
Когда я вдруг ищу в тебе приют,
Жду вдохновенья и живу без грима,
И соловьи в моей душе поют.

Ты нашу жизнь вершила без нажима,
Хотя я – несусветный – и, порой,
Такую горечь нёс тебе – ранимой,
Что жизнь и вправду не была игрой.

Терял себя, подпорки, песни, крылья,
Чурался снова в небеса взмывать...
Ты делала великие усилия,
Чтоб мог я снова рядом пребывать.

Прости за дни безумства и ненастья,
Где я, бывало, уходил ко дну...
Но знай – с тобою – не терял я счастья,
Ведь я всегда любил тебя одну!